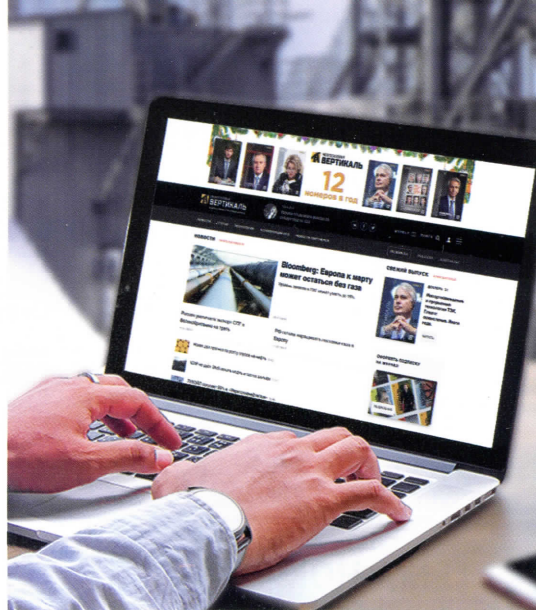

НЕФТЕГАЗОВАЯ
ВЕРТИКАЛЬ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОТРАСЛЕВОЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (496)
Март 2022

ПЕРСОНА НОМЕРА

- 7 **Дмитрий КОБЫЛКИН:**
«Сложно формируемый баланс экологии и индустрии необходимо соблюдать»

ТЕМА НОМЕРА

- 13 **Ульф Хайтмюллер:**
«Российский природный газ будет и впредь играть в Германии очень важную роль»

- 18 «Нам нельзя “почивать на лаврах” и пребывать в уверенности, что мир никуда не денется без наших углеводородов»
Валерий Крюков, Владимир Шмат

- 28 **Разведка газом.**
Или как российский ТЭК пытается найти валентности спроса
Ульяна Ольховская
- 36 **ЕРС-контракт с иностранным подрядчиком как заказчику не допустить увеличения стоимости строительства**
Ольга Семушина
- 40 **Бум каспийского газоэкспорта на Запад маловероятен, но препятствовать ему Россия в любом случае не станет**
Павел Богомолов

ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ

- 50 **Дмитрий МИШУКОВ:**
«Должен соблюдаться баланс интересов»

«НАМ НЕЛЬЗЯ «ПОЧИВАТЬ НА ЛАВРАХ» И ПРЕБЫВАТЬ В УВЕРЕННОСТИ, ЧТО МИР НИКУДА НЕ ДЕНЕТСЯ БЕЗ НАШИХ УГЛЕВОДОРОДОВ»

ВАЛЕРИЙ КРЮКОВ

Академик РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики и организации промышленного производства Сибирского Отделения РАН (ИЭОПП СО РАН, г. Новосибирск) (а также профессор НИУ-Высшая Школа Экономики и полный член Норвежской Академии Полярных Исследований)

ВЛАДИМИР ШМАТ

Кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра Ресурсной Экономики ИЭОПП СО РАН (а также доцент Экономического факультета Новосибирского Государственного Университета)

Каким образом будут формироваться рынки энергоносителей под эгидой перехода к углеродной нейтральности и какое положение займет Россия в этой трансформации, в интервью «Нефтегазовой Вертикали» рассказали сибирские ученые Валерий Крюков, директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, и Владимир Шмат, ведущий научный сотрудник Центра Ресурсной Экономики ИЭОПП СО РАН.

НГВ: *В связи с новыми глобальными инициативами в отношении углеводородов, к примеру, принятием углеродной нейтральности, какие угрозы стоят перед отраслью? В какой степени это коррелируется с национальной энергетической безопасностью? Как оптимально отрасль сможет отреагировать на эти процессы без особых потерь?*

В. Крюков, В. Шмат: Будущее всегда связано с рисками (угрозами), но и с возможностями. Нужно объективно оценивать и то, и другое, не преувеличивая и не преуменьшая значение. Умение использовать свои возможности во многом является наиболее эффективным способом противостоять угрозам.

Но акцент часто делается на потерях, и есть немало разных оценок, например, в связи с трансграничным углеродным регулированием в ЕС. Так, KPMG оценивает экспортные потери российского нефтегазового сектора в \$1,4-2,5 млрд в год; Yugon Consulting называет цифры потерь ТЭКа в диапазоне 0,3-1,2 млрд евро, нефтепереработки – 0,14-0,78 (и оценка может вырасти), нефтегазохимии – 0,05-0,29 млрд евро в год.

Вроде бы внушительные цифры, но главные угрозы связаны не с этими прямыми потерями.

Главное – это, по сути дела, втягивание России, наряду с другими странами, в экономическую, торговую войну с ЕС. Ведь не секрет, что инструменты углеродного регулирования имеют множество функций и лишь отчасти направлены на решение экологических задач. Другая их важная (а может быть – главная) задача состоит в том, чтобы создать преференции для европейских компаний с их высокими издержками производства (в том числе по причине экологического регулирования) и лишить конкурентов из третьих стран тех преимуществ, которыми они обладают.

Сейчас государство и бизнес в России стараются минимизировать вероятные убытки и приспособиться к новой реальности, связанной с углеродным регулированием в ЕС. Это действительно реальность, и от нее никуда не убежать.

Но нужны и другие меры. Прежде всего – это развитие внутреннего рынка, свободного от углеродного регулирования, действующего в странах ЕС и распространяющегося на трансграничные торговые связи. И прежде всего это касается рынка нефтегазохимической продукции. Мы уже отмечали в своих работах, что развитие нефтегазохимии в России с высокими темпами роста производства продукции даст наибольшую отдачу лишь при условии адекватного расширения внутреннего рынка, а не в случае нацеленности на экспорт. Рост нефтегазохимии, естественно, связан с развитием и технологическим совершенствованием газо- и нефтепереработки, сокращением потерь углеродного сырья в добыче (в частности, попутного нефтяного газа) – таким образом формируются мультипликативные эффекты по развитию внутреннего рынка.

Не надо сбрасывать со счетов и потенциал экспорта продукции, несмотря на, казалось бы, неблагоприятные условия. Обратимся к прогнозам МЭА, согласно которым к 2030 г. количество электромобилей в мире вырастет до 145 млн, но это составит всего лишь 7% в общем парке автотранспортных средств. Т.е. 93% из порядка 2 млрд единиц транспорта (против нынешних 1,3 млрд) будут составлять автомобили, а не электромобили, и им нужно будет топливо – бензин и дизель. И это лишь одна из возможностей, о которых нельзя забывать, рассуждая об углеродной нейтральности.

Миру нужны будут и минеральные удобрения. Конечно, можно прогнозировать развитие производства «зеленого» аммиака, но по современным меркам он стоит минимум в 3-4 раза больше обычного, да и в мире пока что нет ни одного промышленного действующего производства. Такие известные производители удобрений, как, например, Yara International, CF Industries, Nutrien, намерены развернуть свои низкоуглеродные производства не ранее 2026-2028 годов.

Видя это, конечно, нам нельзя «почивать на лаврах» и пребывать в уверенности, что мир никуда не денется без наших углеводородов и удобрений, но и драматизировать тоже не надо. Нужно строить трезвые расчеты, учитывающие разнообразные аспекты реальности и будущего, и проводить взвешенную прагматичную политику.

НГВ: *Сегодня в Сибири, Арктике, на Дальнем Востоке анонсированы и уже реализуются новые проекты – Ямал СПГ, Амурский ГПЗ и ГКХ, ИНК объявила о намерении выпускать водород, гелий и аммиак, ЯТЭК собирается строить ГПЗ в Хабаровском крае. Довольно мощный задел, новый технологический этап. Как вы оцениваете эти проекты? Насколько они целесообразны, экономически выгодны для страны? Как вы оцениваете вовлеченность среднего и малого бизнеса в эти проекты? Смогут ли эти проекты улучшить инфраструктуру и энергосистему территорий?*

В. Крюков, В. Шмат: Эти проекты, безусловно, целесообразны и потенциально социально-экономически эффективны для страны. Хотя есть вопросы, связанные с распределением эффектов (в частности, из-за применяемых налоговых льгот и других мер поддержки со стороны государства) и измерением косвенных эффектов, которые реализуются по цепочкам межотраслевых связей. Косвенные эффекты новых проектов по переработке углеводородов могут быть очень значительны, но зачастую они трудно наблюдаемы, их трудно оценивать. Реализация энергетических и нефтегазохимических проектов в современных условиях не может (и не должна) исходить только из приоритетов окупаемости инвестиций в рамках одной стадии – например, добычи или только первичной переработки. В мире (прежде всего, в таких странах, как Норвегия и Канада) проекты ориентируются

на достижение социальной ценности, под которой понимается совокупность всех эффектов как на стадии подготовки проектов (образование, наука, оборудование), так и на стадии выпуска продукции (окупаемость, занятость, экология). Достижение консенсуса всех вовлеченных в такие проекты сторон – государства бизнеса, местных сообществ – сложная и кропотливая работа со стороны, прежде всего, регулятора.

Главное – это, по сути дела, втягивание России, наряду с другими странами, в экономическую, торговую войну с ЕС. Ведь не секрет, что инструменты углеродного регулирования имеют множество функций и лишь отчасти направлены на решение экологических задач

Как правило, все проекты строительства предприятий по переработке углеводородов способствуют развитию инфраструктуры и территориальных энергосистем. Именно с этого обычно и начинается реализация проектов – с прокладки дорог, подключения к магистральным путям сообщений, создания систем энергоснабжения и проч., и проч.

Один, наверное, из самых ярких примеров – проект Амурского ГПЗ, который, кроме строительства технологических установок и объектов общезаводского хозяйства, включает создание подъездных дорог, железнодорожных коммуникаций, причала на реке Зее и жилого микрорайона в г. Свободном для работников предприятия, со всей необходимой социальной инфраструктурой. Социально-экономическое значение проекта связано с созданием 3 тыс. постоянных рабочих мест и до 35 тыс. – в пиковый период строительства.

Реализация крупных проектов в переработке углеводородов дает возможность проявить себя также среднему и малому бизнесу. Возвращаясь к примеру Амурского ГПЗ, можно отметить, что непосредственно в проекте (включая строительство газопровода «Сила Сибири»), как это указывается в информации «Газпрома» и региональной администрации, получили подряды или субподряды порядка 50 амурских предприятий. Едва ли не все они – субъекты малого и среднего предпринимательства. На площадке b2b, созданной для обслуживания потребностей проекта на основе конкурентных процедур, в качестве потенциальных подрядчиков зарегистрированы около 700 предприятий Дальнего Востока, в том числе более 300 амурских компаний. Часть подрядчиков заняты непосредственно в проекте, а часть работает в сфере решения вспомогательных задач (производство оборудования и строительных материалов, строительномонтажные и отделочные работы, транспортные услуги, услуги бытового

обслуживания, социальная сфера). Вместе с тем привлечение подрядчиков на стадии строительства – лишь самый первоначальный этап формирования основ кластерной организации на территории реализации проекта. Более сложной, и в то же время более важной, задачей является формирование и развитие окружения проекта из числа компаний-производителей высокотехнологичной и, как правило, наукоемкой химической продукции. Увы, этот этап пока в данных проектах не просматривается – акцент на выпуск крупнотоннажной продукции, получение эффекта на масштабе и экспорт в Китай. При этом высокотехнологичные полимеры будут в дальнейшем импортироваться оттуда. Объяснение со стороны бизнеса – нет внутреннего рынка.

НГВ: *Какой способ производства и реализации водорода был бы эффективным для российской экономики? Видите ли вы здесь какие-то проблемы? Достаточно ли нормативно-правовая база?*

В. Крюков, В. Шмат: Когда заходит речь о решении любой задачи хозяйственного развития, мы сразу вспоминаем о нормативно-правовой базе. Хотя далеко не во всех случаях она имеет какое-то особое значение – зачастую хватает тех регуляторных инструментов, которые уже существуют, и естественных механизмов рынка.

Применительно же к производству и реализации водорода было бы преждевременным говорить о необходимости дополнения существующей нормативно-правовой базы.

Что касается способов производства, то для российской экономики эффективны все способы, не ведущие к непосредственному увеличению выбросов CO₂. Совсем не обязательно гнаться за производством «зеленого» водорода. Нам вполне подойдет и «желтый», и «бирюзовый», и «голубой». А экономическая эффективность способа производства в каждом конкретном случае требует адекватной индивидуальной оценки. К примеру, там, где есть электроэнергия от АЭС, уместно задуматься о реализации проектов «желтого» водорода; в регионах с развитой металлургией и коксовым производством могут быть актуальны и весьма эффективны проекты «бирюзового» водорода; в регионах нефте- и газодобычи есть возможности для эффективной реализации проектов «голубого» водорода, получаемого из метана, с использованием CO₂ для повышения нефтеотдачи.

И тут в качестве примера можно привести уже реализуемый Иркутской НК проект по производству «голубого» аммиака. Для получения продукта будет использована обычная технология, но при этом будет улавливаться CO₂, а затем закачиваться в пласты для повышения их нефтеотдачи.

По имеющимся оценкам, при учете множества трендов – экономических, и экологических, и политических, и

технологических – сегодня в России выявляется заметное преимущество «голубого» водорода по отношению к конкурирующим технологиям получения. «Голубой» водород будет занимать и основную часть прогнозируемого рынка (немногим менее половины), а вместе с «зеленым» – примерно $\frac{3}{4}$ рынка.

Для России потенциально большой интерес представляет и «бирюзовый» водород – с получением по методу пиролиза метана, на выходе которой образуются водород и твердый углерод. Возможный выигрыш состоит в том, что утилизация твердого углерода представляет собой более простую задачу, нежели улавливание и захоронение CO_2 . Вопрос – в развитии технологии пиролиза метана, которая в настоящее время находится в состоянии меньшей промышленной готовности по сравнению с паровой конверсией (получение «голубого» водорода).

Иными словами, решение вопроса о выборе наилучших способов получения водорода во многом будет зависеть от скорости развития технологий во всех их компонентах, включая утилизацию (захоронение) углерода.

НГВ: Как вы видите рынки сбыта для водорода, метанола и аммиака? Какие позиции может занять Россия на мировом рынке по этим позициям?

В. Крюков, В. Шмат: Россия уже занимает значимое место на мировом рынке метанола и аммиака (азотных удобрений) – это основные товары нашего химического экспорта.

Перспективы же выглядят весьма неоднозначно, хотя есть немалые шансы для того, чтобы Россия сохранила уверенные позиции на рынках, в том числе на только формирующемся рынке водорода. Многое будет зависеть от масштабов развития рынков, связанных с замещением традиционных видов топлива альтернативными.

Например, по имеющимся оценкам, для перевода на аммиачное топливо всего мирового торгового флота необходимо будет нарастить годовое производство аммиака до 500-600 млн т (при нынешних 180). При этом аммиак выступает в качестве топливного элемента – «хранителя» водорода, – который будет извлекаться химико-каталитическим путем и служить непосредственным топливом для судовых двигателей. Потенциальные спросовые возможности для увеличения производства аммиака в России чрезвычайно велики – вопрос лишь в обеспечении конкурентоспособности.

Что касается водорода, то можно обратиться к Концепции развития водородной энергетики, утвержденной Правительством РФ в августе прошлого года. На втором этапе ее реализации в 2025-2035 годах предполагается запустить первые коммерческие проекты и достичь к концу периода объемов экспорта водорода до 2 млн т (в максимуме, при оптимистичном сценарии, – до 12 млн т). Задачи третьего этапа (2036-2050 годы) ассоциируются с широкомасштабным развитием мирового рынка и нацеливают на увеличение поставок российского водорода до 15-50 млн т. Но, как и в случае с аммиа-

ком, реализуемость поставленных задач решающим образом будет зависеть от конкурентоспособности отечественных производителей, поскольку на рынке развернется весьма серьезная конкуренция между многими игроками разного глобального и регионального «калибра» – Саудовской Аравией, Австралией, ОАЭ, Оманом, Испанией, Чили и др. При этом годовая потребность в импортном водороде в странах ЕС к 2040 году оценивается в 25 млн т, и за достойную долю в этом «пироге» России придется побороться.

Наиболее перспективные направления развития рынка метанола связаны с производством низших олефинов (по технологии МТО-ОСТ, где метанол используется в качестве сырья) и топливным применением – с получением высокооктановых добавок к автобензинам, в топливных смесях и как энергоносителя в топливных элементах (Direct-methanol fuel cells, DMFC). При этом уже сейчас 55% мирового потребления метанола приходится на топливную сферу. По известным прогнозам (например, Мирового энергетического агентства / МЭА и Международного агентства по возобновляемым источникам энергии / IRENA), к 2030 году спрос на метанол в мире может вырасти в 1,3-2 раза, а к 2050 году – в 5 раз.

Важной задачей являются формирование и развитие окружения проекта из числа компаний-производителей высокотехнологичной и, как правило, наукоемкой химической продукции. Увы, этот этап пока в данных проектах не просматривается – акцент на выпуск крупнотоннажной продукции, получение эффекта на масштабе и экспорт в Китай

Конкуренция на рынке метанола столь же сильна, как и на рынках других газохимических продуктов, а уязвимость позиций России (как экспортера) прежде всего связана с недостаточным развитием логистической инфраструктуры. Сейчас главными покупателями российского метанола являются страны-транзитеры – Финляндия, Польша и Нидерланды (в совокупности их доля – более 70% от общего объема экспорта). Центр же мирового спроса на метанол как есть, так и останется в будущем в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Успешность дальнейшего развития метанольной отрасли в России и расширения экспорта зависят от того, в какой мере удастся совершить поворот на Восток.

При этом в конкурентном поле придется столкнуться не только с традиционными поставщиками метанола на основе ископаемого сырья (прежде всего из ближневосточного региона), но и с новыми производителями

низкоуглеродного, «зеленого» метанола (включая «био-метанол», получаемый из растительного сырья). Издержки на производство «зеленого» метанола в настоящее время еще слишком велики, но в будущем ожидается их существенное снижение. Как результат, в структуре мировых метанольных мощностей к 2050 году будет доминировать «зеленый» метанол с долей, приближающейся к 80%.

НГВ: *Как оцениваете актуальную ситуацию с ценообразованием на газ и СПГ? На какой период сохранятся высокие цены на газ? Какие факторы смогут снизить цену? Только ли наращивание добычи может их опустить? В данной ситуации выигрывают ли российские компании? Внутренний рынок?*

В. Крюков, В. Шмат: Если имеется в виду ценообразование на мировом рынке, то коротко можно ответить так: российскому нефтегазовому сектору при надлежащей регуляторной инициативе и поддержке со стороны государства целесообразно искать пути эффективного развития и функционирования при любых конъюнктурных условиях. Высокие цены дают дополнительную прибыль отечественным компаниям и дополнительные доходы в бюджет (статистика минувшего года явно свидетельствует об этом) – и вряд ли можно сожалеть по поводу такого развития событий. Вопрос заключается в устойчивости сложившейся тенденции. Говоря о таких доходах (очень точное их определение в английском языке – windfall income – «принесенный ветром доход»), и целесообразно, и необходимо вести речь об их целевом аккумулировании и последующем направлении на цели развития инфраструктуры, повышения отечественного технологического уровня. Увы, у нас, как правило, подобные доходы подлежат в основном распределению между собственниками в виде «заработанных» дивидендов.

Вообще мировые цены на энергоносители (включая природный газ во всех его проявлениях) колебались и будут колебаться в зависимости от изменения баланса спроса и предложения, который, в свою очередь, находится под влиянием общеэкономической динамики. Другой важный аспект ценообразования и формирования спроса в долгосрочной перспективе связан с энергопереходом, декарбонизацией, стремлением к углеродной нейтральности. Но имеющиеся весьма неоднозначные прогнозы (например, МЭА или Министерства энергетики США) показывают, что даже в перспективе до 2050 года лишь в сценариях углеродной нейтральности можно ожидать ощутимое сокращение мирового спроса на нефть и природный газ. В условиях заявленной политики более вероятно стабилизация спроса. При этом прогнозируемые изменения спроса в разных регионах мира имеют разнонаправленный характер, например, в Азии ожидается рост спроса, а в Европе – его сокращение.

Что это означает для российского нефтегазового сектора? Прежде всего – усиление конкуренции на рынке. И к этому надо готовиться, равно как и к новым регуляторным веяниям в странах-импортерах, связанным с отслеживанием углеродного следа и трансграничными платежами. Сохранить и усилить свои конкурентные позиции российские производители могут лишь при развитии науки и технологий – это путь и к сокращению издержек, и к минимизации углеродного следа, и к диверсификации экспортируемой продукции (например, связанной с замещением продаж газа продажами получаемого из него водорода).

НГВ: *Вопрос относительно извлекаемости запасов в Сибири... Известно, что сегодня КИН падает. Нужно приступить к ТРИЗ. Насколько это сможет повысить себестоимость добычи? Будет ли это выгодно? Можно ли будет увеличить доходность за счет качества нефти Siberian Light? Существуют ли сегодня технологии, которые смогут реально снизить издержки?*

В. Крюков, В. Шмат: Одному из нас не так давно довелось выступать на съезде Союза Нефтегазопромышленников России. В основе выступления было предложение об исключении из оборота словосочетания «ухудшение ресурсной базы». Скорее, речь надо вести о постоянном изменении характеристик и свойств осваиваемых источников и видов сырья. В этом процессе тесно и непрерывно взаимодействуют государство, наука и бизнес. Причем государство выступает в нескольких ипостасях – и как регулятор, и как инициатор интенсификации процесса сдвига в сторону учета происходящих изменений. Как показывает опыт США, в случае сланцевых залежей углеводородов чисто рыночные сигналы и стимулы начинают действовать лишь по прошествии значительного периода времени после реализации целого комплекса целенаправленных по формированию адекватной среды и системы мер.

К сожалению, в нашем случае мы имеем дело только, как правило, со стимулами налогового характера при почти полном отсутствии целенаправленной научно-технической и организационной поддержки данного процесса. Только при наличии определенной «плотности» экономической и регуляторной среды, как показывает наш анализ, «запускается» т.н. «процесс обучения». Последний состоит в устойчивом росте эффективности процесса освоения и разработки новых типов источников сырья. В России мы не имеем ни достаточной регуляторной среды, ни требуемой плотности взаимодействий экономических агентов.

НГВ: *Как вы видите развитие энергообеспечения Севера? Из чего нужно исходить в этом вопросе: из территориального планирования (и какое оно может быть),*

возможности подключения к локальным энергоносителям, получаемым от месторождений, формирования смешанной системы энергобаланса – состоящей из атома, СПГ, ВИЭ... Что-то более радикальное?

В. Крюков, В. Шмат: Конечно же, необходим комплексный подход к развитию систем энергоснабжения в северных регионах, сочетающий использование местных возможностей и подключение к крупным централизованным (межрегиональным) системам. Конкретные решения должны в каждом случае приниматься с учетом всего спектра условий, возможностей и ограничений как для развития распределенной энергетики (в том числе с использованием возобновляемых источников энергии), так и для формирования сетевой инфраструктуры.

В мире (прежде всего, в таких странах, как Норвегия и Канада) проекты ориентируются на достижение социальной ценности, под которой понимается совокупность всех эффектов, как на стадии подготовки проектов (образование, наука, оборудование), так и на стадии выпуска продукции (окупаемость, занятость, экология)

Комплексные решения, в полной мере отражающие требования социально-экономической эффективности и надежности энергоснабжения, естественно, могут быть достигнуты на основе действенного территориального планирования. А вот каким оно должно быть – это предмет специального большого разговора.

В России сложилась определенная многоуровневая система территориального планирования с соответствующей структурой документов. Вершина «пирамиды» – Стратегия пространственного развития Российской Федерации (на федеральном уровне). На региональном уровне принимаются государственные программы и стратегии субъектов РФ, стратегии субъектов РФ, а плюс к этому заключаются межрегиональные соглашения о сотрудничестве; на муниципальном – свои стратегии и программы. При этом цели и задачи развития территорий присутствуют не только в документах муниципального и регионального уровней, но и федерального.

По идее, все документы системы территориального планирования должны быть взаимосвязаны. Но в действительности имеет место недостаточная согласованность, а то и рассогласованность утвержденных программ и стратегий. В вопросах развития инфраструктуры, в данном случае – энергетической, просматривается отраслевой подход, зависимость от отраслевых и корпоративных планов и стратегий. Вопрос согласования стоит очень остро, поскольку мы ушли от директивного

планирования и нынешние планы имеют в основном индикативный характер.

Но даже в рамках тех формальных компетенций в области планирования, которыми обладают регионы (субъекты Федерации) и муниципалитеты, далеко не всегда удается их надлежащим образом реализовать из-за слабости или отсутствия финансовой базы. Компетенции есть, а денег для реализации нет. Получается, что вопрос нужно ставить шире, рассматривать не только систему планирования, но и во взаимосвязи с ней – бюджетно-финансовую и налоговую систему, техническое регулирование, нормативно-правовые и законодательные аспекты. По сути, речь идет о дальнейшем развитии и совершенствовании всей системы федеративных отношений в стране.

НГВ: *Что вы думаете о развитии малотоннажного производства СПГ в Сибири и на Севере? Эффективна для экономики подобная ниша? Какие нормативно-правовые инициативы необходимо принять, чтобы механизм заработал?*

В. Крюков, В. Шмат: Прежде всего нужно сказать, что механизм уже работает. По данным проекта «СПГ карта России – 2021», в России в настоящее время действует полтора десятка мини-заводов СПГ с общей установленной мощностью 232 тыс. т/год; из них 4 – в Сибири (Кемеровская область) и на Дальнем Востоке (Республика Саха и Сахалинская область). В стадии реали-

Для российской экономики эффективны все способы, не ведущие к непосредственному увеличению выбросов CO₂. Совсем не обязательно гнаться за производством «зеленого» водорода. Нам вполне подойдет и «желтый», и «бирюзовый», и «голубой»

зации находится пять проектов (включая четыре – на востоке страны) с плановыми сроками ввода в 2021-2024 годах. Более 40 проектов анонсировано (из них более 30 – в разных регионах Азиатской части России, есть также проекты и на севере Европейской части страны, в Республике Коми и Архангельской области).

О выгодах малотоннажного производства СПГ можно сказать многое. Это и распределенная газификация населенных пунктов, удаленных от магистральных газопроводов, и экологически чистое автотопливо, и бункерное топливо, и топливо для локальной энергетики. Применение СПГ обычно позволяет решить проблемы энергоснабжения и снизить издержки потребителей конечной энергии. Тем не менее нельзя говорить о том, что переход на СПГ от малотоннажного производства всегда и везде экономически эффективен. Для оценки эффективности в каждом конкретном случае, для каждого кон-

кретного проекта необходимо принимать в расчет широкий комплекс факторов, учитывать реально складывающиеся условия, предпосылки и ограничения. Но потенциал социально-экономической эффективности у проектов мини-СПГ очень большой.

Нельзя не отметить, что примерно в половине действующих и новых проектов мини-СПГ задействованы непрофильные инвесторы, т.е. не являющиеся субъектами газовой отрасли. Это говорит о потенциальной инвестиционной привлекательности таких проектов даже в современных регуляторных условиях. Хотя эти условия, конечно же, еще далеки от идеальных, и требуется дальнейшее развитие нормативно-правовой базы.

В начале минувшего года Правительство утвердило план мероприятий («дорожную карту») по развитию рынка малотоннажного СПГ и газомоторного топлива на период до 2025 года, который содержит 8 разделов с мерами технического регулирования и безопасности, экономическими мерами (включая налогообложение и бюджетное регулирование), мерами по устранению административных барьеров, мерами по развитию технологий, мерами по стимулированию производства газомоторных транспортных средств и мерами по стимулированию спроса на СПГ в публичной сфере.

Включенный в «дорожную карту» перечень мер по развитию рынка малотоннажного СПГ, главным образом, ориентирован на решение вопросов технического характера. В экономической части заслуживают внимания пункты по подготовке предложений о возможности экспорта СПГ, произведенного на малотоннажных заводах, по созданию бюджетных стимулов для привлечения инвестиций и по стимулированию спроса в публичной сфере. К этому следовало бы добавить решение вопросов, касающихся усиления прозрачности ценообразования на СПГ и развитию механизмов рыночной торговли (включая биржевую), ослабления государственного регулирования цен на регазифицированный газ, синхронизации увеличения производства и спроса, расширения спроса на СПГ в качестве судового топлива и ряд других. Большое значение также могла бы иметь типизация проектов мини-заводов (установок) по производству СПГ и схем перевода потребителей на газомоторное топливо, что позволит сократить издержки и повысить экономическую эффективность (а значит, и инвестиционную привлекательность) таких проектов.

НГВ: *Как вы оцениваете логистическую достаточность сибирских и северных территорий? Сегодня, к примеру, сложно вывозить на экспорт уголь из-за узости железнодорожной системы. И не только уголь. В портах наблюдаются коллапсы грузов. На многих территориях зимние дороги по рекам остаются основными средствами перемещения, а реки – летом. Какая концепция сможет оп-*

Фото Алексея Курдюка (редактора газеты «Кольская правда», г. Черский)

тимально соединить огромные пространства скоростными средствами передвижения? Нужно ли это делать?

В. Крюков, В. Шмат: Борьба с преодолением «гнета расстояний» ведется в нашей стране не одно столетие. Как нам представляется, наиболее успешный период был на рубеже 19-20 вв. – в период строительства Великой Сибирской железной дороги. Основной мотив ее сооружения – далеко не вывоз угля (в то время – прежде всего, зерна), сколько создание условий для связности территории страны и создание возможностей для выхода на другие рынки. При этом в основе лежала гипотеза (блестяще себя оправдавшая), что при наличии развитой транспортной инфраструктуры экономика получает новый импульс для развития. Какой и в каком направлении – зависит от конкретных обстоятельств. К сожалению, в современной России доминирует не стратегический, мы бы сказали, «бухгалтерский» подход – оценить и вывести целесообразность сооружения путей и дорог стратегического характера из развития грузопотоков современных товаров и предполагаемого уровня транспортных тарифов. Именно это стратегическое заблуждение является первопричиной той непростой ситуации, которая имеет место на Востоке страны.

Ничего значительного в транспортном развитии Востока страны за истекшие почти сто лет сделано не было (достройка, электрификация, развязки и дополнительные обходные магистрали). Нельзя не привести примеры, скажем, Аляски или Норвегии. В первом случае основные дороги и аэропорты были сооружены в период Второй мировой и последовавшей за ней «холодной» войн – строительство осуществлял инженерный корпус армии США за счет федерального правительства. Во втором случае, когда в Норвегии начала бурно развиваться нефтегазовая промышленность, был создан (как и во многих нефтедобывающих странах) финансовый нефтяной «фонд будущих поколений». Однако на протяжении более чем 12 лет сумма средств на счетах этого фонда составляла... 1 оре (1 сотая норвежской кроны). В чем дело? Ответ прост – все «избыточные» нефтегазовые доходы бюджета направлялись на развитие базовой транспортной инфраструктуры страны. За это время вся страна (протяженностью более 2000 км) была соединена мостами и туннелями. Только после этого данный фонд – теперь уже Глобальный Пенсионный Фонд (Global Pension Fund) – приступил к инвестированию в финансовые инструменты.

Опять же, увы, в современной России возобладало мнение о как можно более быстром накоплении нефтегазовых доходов в финансовых активах зарубежных банков и стран – «на черный день». В итоге «имеем то, что имеем». Только сейчас приступили к обсуждению инвестирования в инфраструктурные проекты на территории страны. Однако по-прежнему превалирует отмеченный выше подход – речь идет современной транспортной инфраструктуре до Казани и, в перспективе, до Екатеринбурга. Восточный регион – например, широтный промышленно-экономический пояс вдоль Транссиба, скажем, от Томска до Иркутска, – остро нуждается в современном скоростном сообщении. Основная цель – не только и не столько перевозка древесины и угля, сколько содействие экономической кооперации и интеграции научно-производственного потенциала данных центров. Восток страны остро нуждается в развитии как широтной транспортной инфраструктуры (продолжении проекта «Северный широтный путь»), так и сети меридиональных дорог, направленных с Юга на Север. Этим проектам не один десяток лет. Развитие пространства и переход от освоения к жизни в его пределах остро ставят необходимость реализации данных проектов. В этой связи следует заметить, что изолированное интенсивное развитие Северного морского пути вне связи с экономическим развитием средней и южной полосы Востока России дает сравнительно мало с точки зрения и развития пространства, и решения геостратегических задач (которые далеко не ограничиваются транспортной активностью в пограничных водах). Инфраструктура – транспортная, энергетическая, инженерная, – важнейший экономический актив решения задач социально-экономического развития. Пренебрежение его развитием чревато более чем серьезными последствиями – от депопуляции и до деградации экономики и социума на данных территориях.

НГВ: *Как вы оцениваете российско-китайские отношения на данном этапе и в долгосрочной перспективе? Известно, что отечественный бизнес закредитован в китайских банках, а Китай заинтересован в нашем сырье, и эта модель сырьевой торговли, похоже, всех устраивает. Будут ли какие-то сдвиги? Сможет ли наш бизнес переломить ситуацию? К примеру, стать не сырьевым продавцом, а технологическим? При каких условиях это может случиться?*

В. Крюков, В. Шмат: Российско-китайские отношения можно охарактеризовать, с одной стороны, как динамично развивающиеся, а с другой стороны – как имеющие односторонний характер. Динамизм обусловлен реализацией инфраструктурных проектов – строительством нефте- и газопроводов, развитием портовой инфраструктуры, участием китайских компаний в реализации проектов в добыче и переработке природных ре-

сурсов. В то же время участие китайских компаний имеет, как правило, узконаправленный характер – добыча и вывоз сырья и полупродуктов в Поднебесную для последующей переработки и получения продукции с повышенной добавленной стоимостью. Ярким примером является, например, некоторое время тому назад реализованный компанией ВТБ лизинг по поставке в Россию китайских буровых станков (в основе которых лежали образцы продукции Уралмаша). В это время Уралмаш находился (и эта ситуация не преодолена до конца и до сих пор) в более чем сложном положении, в то время как на просторах Тюменской области множилось и росло число китайских станков. Аналогичная ситуация имела и имеет место с экскаваторами и комплексами открытой добычи угля – завод Крастяжмаш в Красноярске прекратил свое существование, и место его продукции заняли китайские добычные комплексы. Данный список можно продолжать, однако не в этом основная проблема. Ее корень не в китайской агрессивности или своекорыстии российского бизнеса (почему не воспользоваться выгодным кредитом и не приобрести, может быть, и не самое современное, но вполне надежное оборудование), сколько в незавершенности и неполноте системы управления природными ресурсами в нашей стране. Все современные страны мира (большинство из которых являются одновременно и собственниками недр), как мы уже отметили выше, ориентируются при управлении процессами освоения и использования своего природно-ресурсного потенциала на обеспечение определенной социальной ценности. Последняя является обобщением всех тех эффектов, которые получают государство, общество и бизнес, – от налоговых поступлений и рабочих мест в процессе освоения и использования природных ресурсов и до развития науки, образования, инфраструктуры вследствие и в связи с отмеченной деятельностью. Такое управление немислимо и невозможно вне конкретного анализа, оценки и сопровождения отдельных проектов на локальном уровне (а не только на национальном уровне, как это пока имеет место в России). Подобная система невозможна вне создания комплексных и компетентных агентств – органов государственного управления. Опять же в нашем случае мы имеем дело с явным разобщением и рассогласованием решения задачи достижения социальной ценности в деятельности целого ряда министерств и ведомств.

Как видно, многое сделано в истекшие годы, но впереди не менее сложные и непростые задачи. Основным лейтмотивом их решения – кооперация и интеграция усилий. Это касается и низкоуглеродной повестки, и создания и развития отечественных технологий и компетенций в области освоения, и эффективного освоения и использования как энергетических, так и природных ресурсов. ❏